

Р. Штайнер
Галилей, Джордано Бруно и Гёте
из GA 60: "ответы Духовноведения на Великие Вопросы Бытия"
Берлин, 26. 01. 1911г.

Нужно перескочить через большой отрезок времени, чтобы обратить духовный взор от той великой личности - Заратустры или Зороастры, служившей предметом последней лекции этого цикла, к тем трём большим личностям в основе нашего рассмотрения - сегодня.

От того, что лежит на расстоянии тысячелетий нашего христианского летоисчисления и это могло быть объяснено только тем, что мы должны были предположить у людей того времени совершенно иные душевные содержания, - мы идем до того времени в XVI и XVII веках нашего летоисчисления, когда засиял нам впервые тот дух, который и до сего дня деятелен и проявлен во всех идущих вперед культурных течениях в человечестве. - Затем, мы должны увидеть, как этот дух, так мощно засиявший в XVI и XVII столетии в личностях Джордано Бруно и Галилея - обрел свое полное выражение в одной личности, так близко от нас - в Гёте. Галилей и Дж. Бруно - это два имени, которые должны назвать при воспоминании о начале тех эпох в развитии нашего человечества, когда естественные науки находились на том поворотном пункте, на котором теперь находится Духовноведение.

То, что было сделано сперва могучим образом для естественнонаучного мышления тогда, должно совершиться теперь в течении ближайшего времени для духовновидческого мышления. Это станет для нас особенно нужным, если мы, чтобы в полном смысле слова понять Галилея и Дж. Бруно, бросили взгляд на образ действия мышления и чувствования человечества в то время, в конце XVI и XVII столетий, в котором должны были жить Галилей и Дж. Бруно. В таком случае мы должны оглянуться на то, что обозначают, правда, вначале очень своеобразным образом, а во всех предыдущих столетиях - от XI и до XII в мировом объеме, - как науку. Нужно уяснить себе, что для этих столетий популяризация всеобщее знакомство со всем научным, должно было иметь совсем другой образ, чем позже в наше время. Мы говорим здесь ведь о тех столетиях, когда еще не было книгопечатания и когда большая часть людей была принуждена принимать за духовную жизнь и получать её только в церквях, в школах и т. п. в устной передаче. Поэтому, именно для того времени было очень значительно создать себе картину, какова была тогда жизнь науки и передача ее.

- В те времена, до жизни Галилея и Дж. Бруно эта картина могла быть трудна для понимания людей наших дней, - ей можно понять, только вживаясь в совсем иные вещи, чем те, в которых мы обычно живём теперь.

Тогда можно было войти в каждую аудиторию, где занимались наукой, - напр., естествоведением в той или иной области, также и медициной и т. д., - войти и услышать, что тот, кто хотел говорить о науке тогдашнего времени, вовсе не должен был, как теперь, ссылаться на наблюдение в том или ином институте, где уважались научные методы, но он должен был говорить обо всех науках с точки зрения, лежащих в их основе древних рукописей, - для того времени действительно бесконечно значительного - Аристотеля. - Этот Аристотель возвышается как великан духа, если рассматривать прогресс человечества - исторически. То, что он сделал для своего времени - бесконечно значительно. Но то, что нас теперь интересует это, что книги Аристотеля часто читались не в той форме, в какой они существовали на языке древности, но, всюду сообщалась их передача, - и это было главным тоном. О чем бы ни сообщали - о том, что такое принцип, основное положение, что вообще было важно, как истина, - об этом говорили: Аристотель думал об этом как-то и так-то. Так изложено у Аристотеля. Тогда как современные исследователи, те, кто сами как-нибудь преподают ту или иную науку, даже только в популярном стиле, ссылаются на том, что где-то наблюдалось и изучалось, - в те столетия до Дж. Бруно и Галилея и ссылались на то, что столетия тому назад дававший всему тон Аристотель утверждал о том или ином предмете. Именно так, как теперь ссылаются в духовной области на религиозные провозвестия и их передачу, не переходя к непосредственному наблюдению, так ссылались тогда в науках не на природу и наблюдения над ней, но на переданное из Аристотеля.

Необычайно интересно углубиться самому в такую университетскую лекцию, чтобы посмотреть, как медики всюду вкладывали для своих коллег теории Аристотеля. Но Аристотель был великаном духа. И хотя всё же надо было бы сказать, что даже слова такой одухотворенной личности не следует преподносить другим по прошествии столетий в неизменной форме, - но с другой стороны, опять-таки с полным правом можно было бы подумать: так как Аристотель дал столько значительного и великого, то люди если даже они и ничему не научились, когда им в течении столетий преподавали всё одного и того же Аристотеля, жившего тысячелетия тому назад, - обрели в своих головах нечто значительное, т. к. должно было быть значительным и полезным воспринимать глубокое содержание в поучениях и теориях Аристотеля. Но это была всё-таки не так и именно потому, что те, кто обучали тогда этому учению и разглашали его всюду, ссылаясь на Аристотеля, как правило ничего не понимая в трудах Аристотеля, т. к.

в основе это было неправильно понятое учение, которое преподносили всюду до Галилея и Дж. Бруно, как "аристотелевское" учение. Я хочу сегодня отметить с точки зрения духовноведения только одно, что должно показать, как тогда Галилей и Дж. Бруно должны были войти в духовную жизнь их времени. Я уже раньше упоминал о том, что не является анекдотом, но сущей истиной и поэтому я хочу здесь ещё раз обратить на это ваше внимание.

В то время жид один из многих ученых, опиравшихся на Аристотеля, - он был даже другом самого Галилея. Галилей был, как и Дж. Бруно - одним из противников Аристотелевцев, но не Аристотеля, и по основательной причине. Галилей указывал на то, что нужно самому обращаться к великой книге - природе, говорившей человеку, а не брать только из учений Аристотеля, что означает дух в природе. Аристотелевцы придерживались тогда странному учению: что нервы и вся нервная система человека исходит из сердца и что из сердца нервы проходят вверх в мозг и оттуда распространяются по всему телу. Этому, говорили, - учил Аристотель и это - правильно!

Галилей, который хотел указать не на старые книги и старые передачи, но на то, что сам видишь, исследуя человеческое тело, - показал, что нервы исходят из мозга и что самые главные нервы имеют свое начало в мозгу. - Это сказал Галилей своему другу, чтобы он убедился, что они исходят из мозга.

Да, я хочу это видеть, - сказал этот друг и дал себе показать это на человеческом теле. И тогда, этот ученый, который считал себя хорошим аристотелевцем, очень удивился и сказал Галилею: "Да, это выглядит почти так, что нервы исходят из мозга, но Аристотель говорит ведь, что нервы исходят из сердца, - и если здесь образуется противоречие, то я всё же верю Аристотелю, а не природе! - Вот каковы были тогда воззрения, услышанные Галилеем. Аристотеля втягивали во всё, что претендовало тогда быть наукой.

Так, например, один ученый, приверженец церкви, хотел нависать о бессмертии. Как писали тогда? Брали то, о чем хотели писать из учения церкви и добавляли к этому то, что считали нужным из Аристотеля, чтобы как-то доказать всё так, как этого хотели. И вот этот человек, состоявший в союзе с церковью, находил разные места с намерением собрать то о вопросе бессмертия, что являлось бы истинным мнением Аристотеля. Это истинная правда. Так как эти духовные лица, должны были показывать свои труды вышестоящим духовным лицам, то это вышестоящее лицо сказало данному человеку: это опасно, мы не сможем одобрить этот труд, т. к. выдержки из Аристотеля могут ведь доказывать и противоположное. Автор ответил ему в письменном виде: если дало только в том, что надо ещё яснее доказать мнение Аристотеля об этом, - что будет более приемлемо, то он представит в доказательство еще другую цитату. Это тоже можно было сделать! -Короче говоря - слова Аристотеля употребляли и злоупотребляли ими любим образом.

Исходя из этого, мы будем рассматривать, как неправильно понимали Аристотеля во времена Дж. Бруно и Галилея. Возьмем этот же пример о выходе нервов из сердца. Что скрывается за этим -можно понять только зная, что Аристотель, вначале древней греческой культуры, находился вместе с тем вначале и того времени, когда ещё господствовало древнее ясновидческое сознание. И когда Аристотель глядел в прошлое, он передавая науку, родившуюся из ясновидческого сознания, которое видело за чувственным миром -духовный. Это сознание и создало древние науки. И то, что являлось древней наукой, пришло также, как таковая из древней Греции и Аристотель её передал, будучи последним ученым в этой области, - сам же он уже не был в состоянии развить такое ясновидящее сознание - он обладал лишь интеллектуальным сознанием. Об этом следует подумать. Ведь не напрасно же Аристотель был основателем логики в истории?! - Он им был, т. к. интеллектуальное, доказующее мышление стало ведущим с того времени. - Аристотель был следовательно тем, кто принимал древние учения и создавал для них логическую систему в своих работах и многое мы понимаем только зная, что подразумевается собственно в них. И когда Аристотель говорит о нервах, мы должны принимать его слова не так, как это делает наша эпоха и не так, как говорит эпоха Галилея и Дж. Бруно, т. к. она уже родственная нашей, но мы должны знать следующее. - Когда Аристотель говорит о прохождении нервов, он имеет в виду то, что мы знаем теперь, как ближайший член в теле человека, примыкающий к нему, как сверхчувственный член человеческой природы: это сверхчувственное эфирное тело человека и с идущим вперед сознанием человека, из него постепенно утеривалось и то, что мог видеть человек. - Аристотель этого уже тоже не видал, но он брал свои взгляды из времен, когда ясновидческое сознание видело не только физическое тело, но и эфирную ауру, эфирное тело, которое является настоящим строителем и носителем сил физического тела. Из времен, когда эфирное тело видели так, как теперь глаз видит краски, Аристотель черпал свое учение. И когда смотрят не на физическое тело, но на эфирное, то тогда действительно исходная точка для известных потоков, которые тогда Аристотель кладёт в основание того, что обычно ищут за выражением "нерв", - и этой исходной точкой и является не мозг, а область сердца.... Аристотель подразумевал не наши сегодняшние нервы, но несомненно сверхчувственные токи и силы, идущие из сердца - к мозгу, растекающиеся в различных направлениях в теле человека. Эти вещи, которые может сделать понятным опять-таки духовноведение, благодаря познаний сверхчувственных членов и частей человеческой природы.

И т. к. люди не в состоянии были видеть сверхчувственное, даже уже во времена, предшествовавшие

Дж. Бруно и Галилею, то они и не подозревали, что Аристотель подразумевал - эфирные потоки; думали, что он говорил о нервах и утверждали поэтому, что Аристотель говорил: "физические нервы выходят из сердца". Так думали Аристотелевцы. Но те, кто знали, что стоит в книге природы не могли согласиться с ними.

Отсюда великий спор между Галилеем, Дж. Бруно и Аристотелевцами, т. к. настоящего Аристотеля никто не понимал, - конечно и на Галилей и не Дж. Бруно, которые не давали себе труда вникнуть в первоначального Аристотеля. Но они были всё же великими носителями культуры для своего времени и укалывали, исходя из книжной мудрости - на великую книгу природы, которая раскрыта для всех. - Один человек, я и это упоминал однажды, которого я очень ценю, как философа, бывшего в 1894 г. ректором Венского Ун-та, где он произнёс ректорскую речь о Галилее, - Лауренц Мюллер, - обратил в ней внимание на то, что Галилей при его разуме, провидел законы механики и действия пространства, которые больше всего поражали нас и обращались к надену сердцу, напр., когда мы подходили к церкви Петра в Рима. Когда это мощное строение действует на нас, то каждый, действительно, узнает нечто, что мы можем понять. Я хочу охарактеризовать это одним маленьким фактом, который всё же имеет здесь большое значение.

Однажды, один фельетонист Шпейдед и скульптор Наттер поехали в окрестности Рима. Когда они приближались к нему, Шпейдель услышал странное замечание Наттера, - этого в известном отношении, гениального человека. Он внезапно вскочил и его друг не мог понять, что же с ним случилось и услышал следующие слова: "Мне становится страшно!" Он вспомнил это позже, т. к. Наттер не сказал, что он в тот момент увидел издали башню церкви Петра с ее куполом. Такое изумление, вызванное распределением сил пространства, рожденного гениальностью Микеланджело, - может охватить каждого, кто видел это своеобразное здание. И тут Лоренц Мюллер обращает внимание на тот факт, что человечество получило возможность, благодаря Галилею, этому великому мыслителю, представить себе математически-технически такое распределение пространства, какие встают нам навстречу в прекрасном построении купола церкви Петра в Риме.

Но одновременно нужно отметить, что почти в час смерти Микеланджело, строителя церкви Петра, родился Галилей, нашедший затем механические законы. - Это значит: из духовных сил Микеланджело родилось то распределение сил пространства, которое стало доступно для интеллекта человечества уже позднее. Из этого примера видно, что можно назвать интеллектуальным, разумным знанием то, что может прийти гораздо позже, чем сопоставление этих вещей в пространстве. Если это будет действительно понято мышлением, то люди согласятся и с тем, что сознание людей потерпело изменение: люди раньше обладали известным ясновидением и способ интеллектуального мышления начался не так давно, но что благодаря известным историческим потребностям этот способ мышления мог возникнуть лишь во времени пятнадцатого, шестнадцатого и семнадцатого столетий. И умы, подобные Галилею и Дж. Бруно являются первыми создателями того, что должно было затем прийти. Отсюда и их сильная оппозиция против Аристотелевцев и, особенно, против тех, которые совершенно неправильно излагали Аристотеля, которого должно было считать выразителем древней культуры, - и применяли его затем в таком неправильном изложении к природе. - Этим мы одновременно определили и мировоззрение Галилея.

О, Галилей был в высшем смысле слова тот, кто первым дал человечеству то строгое естественнонаучное мышление, я хотел бы сказать, - тот вид отношения естествознания к математике, которое дало тон всему следующему времени вплоть и до нашей эпохи. Что же особенного было в Галилее? - Галилей - в этом отношении был вполне дитя своего времени - сказал себе с отважным мужеством сперва следующее. Я уверяю вас, можно описать чувства Галилея, чтобы понять всю его душу следующими словами: Здесь стоим мы, как люди на земле. Перед нами расстилается природа со всем, что она может дать нашим чувствам, нашему разуму, связанному с инструментом нашего мозга. Через природу, - так говорит Галилей в бесчисленных своих трудах, через природу говорит Божественно-Духовное. Мы люди смотрим на природу нашими глазами и воспринимаем её и другими чувствами.

То, что воспринимают наши глаза, то, что говорит нам через наши чувства, это всё вложено в природу, Божественно-Духовными Сущностями. Сперва живут мысли Божественно-Духовных Сущностей, затем идут, как он рождаясь из этих мыслей - чувственные вещи в природе, как откровения Божественных мыслей, а потом идёт наша способность восприятия, прежде всего - разум, связанный а нашим мозгом. Затем, стоим мы, чтобы расшифровывать, как из букв слагается книга и возникает то, что подразумевал автор, то, что Божественные мысли привели к исполнению в природе.

Галилей, во всяком случае, стоит на точке зрения, на которой стояли все великие умы в развитии мира, что в явлениях природы, в фактах природы даны как бы буквы, через которые выражает себя Дух Божественно-Духовных Существ. - Человеческий дух живет ведь для того, чтобы читать то, что Божественно-Духовные Существа вписали в формы минералов, в процессы протекания явлений природы и даже движения звёзд.

Человеческая природа существует для того, чтобы читать то, что думал Божественный Дух. Только Божественный Дух отличается от человеческого - по Галилею - тем, что Божественный Дух создал всё, о чем можно мыслить, независимо от времени и пространства - в одно мгновение.

Возьмем это хотя бы для области математики - и мы увидим, как своеобразна была эта мысль. Представьте себе, как теперь пользуются все математикой, поскольку она уже изучена человеком и как долго ему нужно была мучиться, чтобы овладеть ею. Те, кто сидит здесь, знают, как восприятие математических мыслей человеком зависит от времени.

Итак, Галилей думал то, что человек постигает в течение долгого времени, - для Божественной мысли рождается в один момент, независимо от пространства и времени. Человеческий дух, - так считал он, - прежде всего не должен думать, что он может своим разумом, привязанным к пространству и времени, быстро охватить Божественный Дух, он Должен пытаться шаг за шагом наблюдать в сиянии света отдельные явления. Он не должен думать, что можно мимолетно освоить отдельные явления и перешагнуть то, что Бог положил в основу их, как Свои мысли. Галилей говорил себе: плохо обстоит дело с теми мыслителями, которые не хотят прийти к истине, благодаря строгому наблюдению над тем, что лежит раскрытым перед нашим разумом в природе, которые хотят прийти к истине быстрее, с помощью своих спекуляций, проходя мимо отдельных вещей.

Но Галилей говорил это, исходя из иных оснований, чем то, из которых говорят это часто теперь. Галилей хотел ограничить дух человека наблюдению не потому, что он, якобы, отрицал присутствие великого духа и его "предварительные мысли", стоящие за ними, но потому, что этот великий Дух был для него настолько могущественными и высоким, что всё вообще существующее, как "Предшествующие мысли", - является в один момент, тогда как человеческий дух нуждается в бесконечном времени для любовного распознавания букв, чтобы постепенно прийти к отдельным мыслям. Из скромности, оттого, что человеческий разум так бесконечно далеко отстоит от Божественного разума, предупреждал Галилей своих современников: "Вы не можете видеть больше того, что находится за вешами в мире, - не можете, не потому, что люди вообще не могли бы, а потому, что время для этого уже прошло".

Наблюдение, опыт и самостоятельное мышление, - вот что Галилей считал необходимым для своих современников. Он мог так говорить, т. к. его дух был одарен математическими свойствами, так же как его разум. Чем то чудесным является для нас, например, когда Галилей узнаёт, что в Голландии было открыто нечто вроде подзорной трубы, через которую можно было видеть дальнейшие мировые небесные пространства. Нужно подумать о том, что тогда не было ведь газет. Галилей услышал из рассказов путешественников об этой подзорной трубе. И само собой ему пришла мысль, которая не давала ему покоя: самому изобрести такую подзорную трубу. С этой трубой Галилей совершал своя великие открытия, которые вошли в то, что недавно было установлено как мировая система Коперника.

Чтобы правильно понимать это время, нужно мысленно сопоставить две вещи: одна - это чтобы люди ничего больше не понимали из сверхчувственной мудрости, и что Галилей стал указателем на пути этой новой науки. - А вторая - что в отношении звёзд было очень значительный, что Коперник непосредственно перед этим придал картине мира совершенно новый облик, благодаря внешнему мышлению о движении планет вокруг солнца.

Нужно хотя бы раз перенестись в души и в положение тех людей, который в течении тысячелетий верили: здесь, на вашей земле мы твёрдо стоим в пространстве! - И вот теперь это мышление было просто поставлено на голову: земля движется с невероятной быстротой вокруг солнца! Это была мысль, заставившая людей потерять буквально почву под ногами. Не надо удивляться глубокому влиянию, вызванному этой мыслью, которая действительно привела и к глубокому воздействию не только на людей, соглашавшихся с нею, но и на противников ея. - Для умов, подобных Галилею, причина приведшая Коперника к его взглядам, имела решающее значение. Вспомним, почему именно Коперник пришел к мнению о движении вокруг солнца. - До тех пор господствовала система мира, которую тоже не понимали, потому что она исходила из духа. Так как ее понимали - это Птолемеяевская система - была совершенно невозможной мыслью. Надо было ведь представлять себе, что планеты описывали очень сложные движения, - круги, а в них еще новые круги.

Приходилось отдаваться этим невероятно сложным представлениям. И это было не по духе даже и таким великим умам.

По существу, Коперник не сделал никакого нового астрономического открытия. Он только сказал себе: возьмём самую простую мысль, которая поможет нам объяснить движение! Он заключил всю картину мира в простоту этой мысли. Величественным было то, что солнце стояло в центре, а вокруг него двигались по кругу - планеты, или, - как позже доказал Кеплер, - по Эллипсу. И все это мировоззрение - так грандиозно упрощено! Это и подействовало особенно убеждающе на Галилея. Он всегда отмечал: человеческому разуму свойственно познавать истину в простоте. Не то, что сложно, - а то, что просто - прекрасно и истина -прекрасна! Благодаря красоте и красоте в простоте приняло то время мысль Коперника и его мировую систему. И Галилей нашел у Коперника то, что он искал: красоту и простоту. И теперь он видел, чему люди с трудам могли поверить, - он видел луны Юпитера! Да, первым увидел Галилей луны - Юпитера, которые двигались по кругу вокруг него, - как планетам вокруг солнца, - маленькая солнечная система: Юпитер со своими лунами, как солнце с планетами. Это было способно подтвердить мировую систему, целиком построенную на мысли о чувственном мире. И Галилей был тот, кто увидел мысль Коперника в малом - для чувственного мира. И благодаря этому он нашел путь для

новой науки. И он первый узнал в своих предчувствиях, что на луне существуют горы, а на солнце - пятна и то, что как туманная полоса, постарается над звёздами, - это рассыпанный мир звёзд. Короче, - пришло все, что можно назвать: выраженное в чувственном мире, - "запечатленное" письмо Божественной мудрости. Вот это особенно воздействовало на Галилея. Время, растворявшееся целиком в созерцании чувственного мира, - обладало для Галилея и его, на математике построенном разуме, чем то совсем особенным. И Галилей стал тем, кто дал человечеству первый импульс сказать следующее: мы ещё не можем видеть, нашим нормальным сознанием то, что находится за этим чувственным покровом. Сверхчувственное не существует ни для человеческих чувств, ни для человеческого разума. - Божественный разум охватывает его вне времени и пространства. Человеческий разум привязан ко времени и пространству.

Следовательно, давайте придерживаться того, что дано человеческому разуму во времени и в пространстве!

Галилей мог сделать столько великого, что он фактически является и в философии, если мы можем так сказать, - одним на людей, нашедших путь и в новейшем духовном развитии человечества. Что же удивительного, если мы видим в Галилее в то же время тот ум, который хотел и для себя самого сделать ясным как относятся, собственно, чувственные явления к человеку и к его душевной науке... Часто говорят, в популярном изложении, что Кант, якобы, указал на то, что мир вокруг нас - это только явление, существующее для того, чтобы мы могли бы пробиться в "веди - в себе". Немного в ином направлении, чем у Канта - уже Галилей указал на эту мысль, но только он видел всюду за чувственными вещами - всеобъемлющую мысль - Божественно-Духовную и только из смирения, а не из принципа, что человек может приблизиться лишь через долгие времена к тому же, - Но Галилей говорил: когда мы видим цвет, то он производит на нас впечатление, например - красный цвет.

Существует ли красное в вещах?

Галилей употреблял одно очень ясное сравнение, из которого одновременно видно, как неправильна эта мысль; но дело не в этом, а в том, чтобы воспринимать эту мысль, как мысль той эпохи. Он говорил: возьмите перо и пощекочите подошву ноги или ладонь: человек окупает щекотку. Разве щекотка в пере? - спрашивал он. Нет, это — нечто совершенно субъективное. В пере — нечто совсем другое. - И как щекотка есть нечто субъективное, также и красное, существующее в мире есть нечто субъективное.

Галилей сравнил краски, даже звуки со щекоткой, которую причиняет перо на подошве. - Если мы обратим внимание на это, то мы увидим живущий даже в Галилее то, что явилось как раз в новое время, как философия нового времени сомневается, чтобы человек ног вообще где-нибудь проникнуть за покров чувственного мира.

Если мы видим в Галилее спокойного, крепко стоящего на своей почве исследователя новых путей, то в более старшем Джордано Бруно - (Галилей родился в 1564 г., Дж. Бруно - 1548 г.), мы видим человека, который отражает непосредственно в своей личности все, что в других умах - в Копернике, в самом Галилее, проходит через человеческие души, как великие истины.

В духе Дж. Бруно отражается всё это, как в мощной, всё охватывающей философии. Как относился Дж. Бруно - к миру, ощущая целиком его, в духа своего времени, как свою собственную, глубокую сущность?

Дж. Бруно говорил себе приблизительно следующее: ещё Аристотель, которого он знал, как неправильно понятого, - говорил, что имеемся одна сфера, достигающая до луны, затем сферы различных звёзд, затем сфера - Божественно-Духовная, а, приводящего всё ж движение, Бога, следует искать вне сферы звёзд.

Следовательно, Дж. Бруно имел перед собой, - в смысле Аристотеля, - сперва землю, затем сферу Луны и звёзд, и только затем, вне этого мира и вне сферы, где живёт человек, - тот мир в котором Божественный Дух буквально движет и вращает всем - в движениях звёзд. Это была мысль, которую Дж. Бруно не мог объединить с тем, что теперь переживает человечество. И то, что теперь видели человеческие чувства, что видел ум, глядя на растения, животных и людей, - когда он смотрел на горн, моря, облака и звёзды, - это являлось ему как изумительное воплощение того, что живёт ж Самом Божественно-Духовном. И он хотел видеть в том, что двигалось как звёзды, что проплывало в воздухе, как облака, не только письма Божественной Сущности, но нечто относящееся к ней так, как пальцы или другие члены к нам самим. Не База, воздействующего извне на окружения на чувственный мир, но того Бога, живущего в нём, в каждом отдельном проявлении этого мира, где каждое тело является созданным Им чувственным миром: такова была мысль - Дж. Бруно. Если мы хотим понять, как он пришел к этой основной мысли, то мы должны сказать: это был восторг, блаженство, ощущения, живущие тогда во всем этом новом мире! Перед ним было время, когда все "копались" только в старых мыслях Аристотеля. Ведущие учёные, проходя через леса и поля не видели царств природы и их красот, но понимали только то, что стояло на старых перманентах и происходило от древнего Аристотеля. Теперь же пришло время, когда природа говорила к людям, время великих открытий, когда великие умы, как Галилей, требовали от людей познавать Божественное самим; стоя лицом к лицу - с природой. Пришло восхищение этим Божественным - в природе, вместо природы средних веков, лишенной Бога!

Это и жило в каждом фибре у Дж. Бруно. Всюду - Дух, говорил он, - это показывают нам физические исследования и поэтому всюду, где мы встречаемся с чувственным миром, нам является и Божественное! - Существует только одна разница, между чувственным миром и Божественным: что все чувственное, - т. к. мы ведь узко ограниченные люди, - является для нас во времени и пространстве. Но за чувственным стоит для Дж. Бруно - Божественный Дух, не так, как это было для Аристотеля или для людей средних веков, но самостоятельно и природа была его телом, возвещавшим всё ЕГО красоту и величие.

Но человек не может видеть весь дух в природе, он видит его всюду только по частям. Но во всех вещах, во всякое время и во всем пространстве. - Божественный Дух. Поэтому Дж. Бруно говорит: "Где же Божественное? - В каждом камне, в каждой листке, всюду в каждом творении, но особенно в тех существах, которые обладают в бытии - известной самостоятельностью. Такие существа, ощущающие свою самостоятельность, - он называет -монадами. Для него монада - это то, что как бы плавает в море Божественности, и наслаждается всем. - Все, чем является монада, одновременно - есть зеркало мира. Так представлял себе Дж. Бруно всеобъемлющий Дух, как бы расколотым на многие монады, - в каждой монаде, которая являлась самостоятельным духом, было нечто, что как зеркало отражало весь мир. Такая же монада - это душа человека и таких монад - много. Даже в теле человека - много монад, а не одна. Поэтому, если бы мы хотели сказать правду о человеческом теле - по Дж. Бруно, то мы должны были бы видеть в нем не физически организованное тело человека, но систему монад. Но мы видим эти монады не ясно, как не видим отдельного комара в рое комаров. Если бы мы видели точно, то мы видели бы человеческое тело, как систему монад и главная монада - была бы душа человека.

О жизни, в которую душа человека вступает через рождение Дж. Бруно говорит, что тогда другие монады, принадлежащие к душе объединяются и делают этим возможным переживания для главной монады - душевной монады.

Когда же наступает смерть, главная монада - отпускает другие монады и они вновь расширяются и растут. Рождение - это собрание многих монад вокруг одной главной монады. Смерть для Дж. Бруно - отделение других монад от главной монады, чтобы она могла принять другой образ. Каждая монада призвана при принимать не один образ, который мы здесь узнаем, но все образы, какие только возможны в мире. И о прохождении через все образы думает Дж. Бруно. И этим он так близок, как только возможно, - и это родилось только из одного энтузиазма к идее о перевоплощении человеческой души. А в отношении к восприятию всей действительности Дж. Бруно говорит себе: человек стоит перед этой действительностью сперва со своим нормальным сознанием. Первыми перед ним встают чувственные впечатления. Это для него первая возможность познания. Но ведь их имеется четыре, - говорит Дж. Бруно. Первое благодаря чему человек может получить познания - это чувственные впечатления; второе - это образы, которые мы образуем в наших представлениях, когда мы не имеем чувственных впечатлений перед собой, а только воспоминания о них. Тут мы уже глубже проникаем в душу, а также изменяем и чувственные впечатления. Эту вторую способность познания он называет силой воображения, при чём нельзя думать здесь о значении этого слова в теперешнем смысле, но о том, что подразумевает под этим словом Дж. Бруно: после того, как человек воспринял всё, что могли ему дать чувственные впечатления, он вливается в эти впечатления, он находится внутри них. - Это становление, обращенное извне - во внутрь, следовательно не воспринятое во вне, но "воспринятое", "вдавленное"извне - внутрь. Затем, у Дж. Бруно рождается мысль, что человек, когда он принимает вещи в разуме во внутрь его, а затем идёт дальше, он этим приближается к истине, а не удаляется от нее. Поэтому Дж. Бруно признаёт, как третью способность - разум, интеллект. При этом он имеет в мыслях именно тот момент, когда мы поднимаемся от чувственных вещей и создаем мысли, при чём из сверхчувственного мира в нас устремляется нечто высшее, более истинное, чем чувственные впечатления. Четвертая ступень для Дж. Бруно - есть разум. Разум для него опять-таки - жизнь и творчество в чисто-духовном.

Итак, для Дж. Бруно существуют четыре ступени познания в ряде их последовательности. Но он различает их не так, как вы можете их найти, например, - в книге: "Как достигнуть познания высших миров"; - первая ступень - познание предметное, вторая - имагинативное познание, третья - инспирация и четвертая - интуиция, а различает их более абстрактно. Поэтому мы должны это воспринимать так, чтобы сказать: Дж. Бруно стоит как раз в исходной точке времени, которое вызывает познание чувственного и пользуется поэтому выражениями, напоминающими нам больше выражения обыкновенного познания чувственного мира, чем высшего мира. Но как Дж. Бруно взирает в духовный мир, отмечая всё такими могущественными акцентами, это мы можем понять по его словам: Божественный Дух, живущий во всем и всюду имеющий свое тело, Он имеет то, что мы имеем как представление, - в идеях, которые должны быть продуманы ещё до вещей.

Каков мир в Боге? Каков Дух в Боге? - спрашивает он и говорит: Дух - живёт в Боге, как идея, как мысль, предшествующая миру. А каково для него Дух - в природе? Как - форма, говорит он и Дж. Бруно подразумевает под этим: то, что существует в Божественном Духе как идеи, это живёт в кристалле, обладающем формой, в животном - в его форме, в человеческом теле - тоже обладающей формой. А то, что существует во внешних вещах, как форма - живет в душе человека, как представления. - И еще точнее говорит Дж. Бруно: вещи в природе - это тени Божественных идей; а наши представления - это тени

Божественных мыслей! Заметьте точно: наши представления, говорит он, - не тени вещей, но тени Божественных мыслей. Следовательно, когда нас окружают вещи в природе, а в них тени Божественных идей, то наши представления вновь оплодотворяются ими. Когда мы получаем представления, то в этой принимает участие Божественный Дух с Его идеями и возникает, так сказать, - так, соединяющий нас с Божественными идеями. Если рассматривать естественнонаучные теории, что сегодня, как манизм выступает против Дж. Бруно и действует как удар в лицо, эти теории должны были бы сказать, если они хотят быть последовательными; о Божественных мыслях, -мы вообще не говорим, но Дж. Бруно этого не говорит. Он - спиритуалист - в высоком смысле этого слова. То, что он имеет сказать, исходя из настоящего воодушевления человека-эпохи ренессанса - ведет к монаде, к стягиванию в ней, благодаря рождению, и к ее расширению в момент смерти, - ведёт к тому, что вливается в мир представления, как Божественная множь и к жому единственному сложу: человеческие мысли- это тени Божественных мыслей! Если понимают это, то значит поняли нечто из спиритуализма Дж. Бруно. Но одно нужно для этого: призыв к пониманию от непонятого Дж. Бруно - к тому, кем он был действительно. Он был тем духом, который всё, что дал Галилей более интеллектуального дня естественнонаучного мышления, перенес своим современникам, исходя из переполнявшего его энтузиазма. Поэтому всё звучит из Дж. Бруно с такой мощью, как будто бы вся радость, вей восхищение тогдашнего духа времени, который хотел видеть как живёт и творит природа в чувственном, ликует в духе Дж. Бруно. Это ликование становится сама философией, потому что Божественный Дух живущий всюду во вне вспыхивает и горит сознательно-но в душе Дж. Бруно. Поэтому понимаем мы те слова, которые нужно с полным правом отмечать у Дж. Бруно, - слова, которые звучат как нечто, что сама природа говорила тогда людям. Приведем только несколько таких слов, - здесь. - Как они велики и чудесны, когда Дж. Бруно выражает в них эту мысль в противоположность Аристотелю: не вне чувственного мира, но всюду, куда бы мы ни взглянули - царит Дух, - Дух Божественного Разума. Это не Божественный разум где то во внешнем, о чём мы могли бы сказать: нечто даёт только движения в широком окружении, - нет он не толчок, который ведёт круговое движение, но это достойный Божественного - внутренний принцип движения, который мы видим всюду, что живёт в самой природе. Это был язык звучащий в те времена, исходивший из самой души Дж. Бруно.

Как можно передать лучше всего, чтобы оно заговорило бы как надо к нашему сердцу? На этот факт обратил внимание один из тех умов, который был назван одним из самых восторженных почитателей Дж. Бруно - Герман Бруннхофер, который доказал, что случается, когда выражаю сказанные Дж. Бруно слова, переданные в прекрасных стихах:

"Чем был бы Бог, который во мне толкал,
И по кругу водил бы по мановению своего пальца всю вселенную!
Ему надлежит вызывать движение внутри мира,
И оберегать его в природе и самого себя в ней,
Так чтобы всё, что живёт в нём и творит и существует,
Не ощущало бы недостатка ни в силе Его, ни в Духа Его

Так, переведенное по строчкам, это стихотворение Гёте является поэтическим переводом Дж. Бруно, исходя их Духа - самого Гете!

Нельзя было бы быть Гёте и оставить его творения просто лежать около себя, когда он хотел писать это стихотворение; должно было происходить нечто, что не могло бы ожить, если бы Гёте только простое пережил бы в поэтическую форму то, что сказал Дж. Бруно.

Мы должны видеть здесь, как в Гёте ожил Дух Дж. Бруно. Мы должны не только просто подняться на два столетия, когда мы исходим из Галилея и Дж. Бруно и хотим дойти до Гёте и заставляем его говорить, но мы должны, так сказать, признать, что те, что родилось из Дж. Бруно, как из настроения полного энтузиазма из естественно-научной философии и настроения, созданного ею, будит; а Гёте то, что ведёт, при полной отдаче себя, от одной вещи к другой и к Богу, которого человек научился ощущать теперь в природе, и вновь вносить Его во все вещи в природе. У Гёте настроение Дж. Бруно действительно стадо его настроением, оно как бы родилось вместе с ним. Оно было в нем, когда семилетний мальчик взял пульт для нот у своего отца, поставил его, и разложил на нем материалы из коллекции отца, чтобы иметь продукты природы и растения из гербария отца, а сверх всего этого поставил душистую свечечку, затем ваял увеличительное стекло и зажёл ее от лучей восходящего утреннего солнца, чтобы таким образом принести жертву Богу, который живёт в минералах и растениях ж которому он воздвиг этот алтарь и зажёл свечу от силы в самой природе. Так живет Дж. Бруно в конце восемнадцатого, девятнадцатого столетия в Гёте, как внутреннее настроение души, которое Гёте вносил во все подробности ж природе. Именно, исходя из этого духа, Гёте не мог понять, как можно было - судя по естествоиспытателям того времени, приписать таким внешним образом материальный отличительный признак человеку, который отличал бы его от животного. Это была совершенно материалистическая мысль когда естествоиспытатели восемнадцатого столетия говорили, что

человек на имеет той маленькой косточки, которую имеют животные в верхней кости челюсти, промежуточная междучелюстная косточка, в которой сидит верхние зубы резцы. Животные имеют ее и эта отличает человека от животного. Действительно не мог существовать Бог, который был бы внутренним

двигающим принципом в природе, но - Бог, - подталкивающий извне, о котором Дж. Бруно говорит: "... создавший сперва животных, а затем поставивший рядом человека и как марку наклеивший на него и определивший, что люди являются еще чем-то иным, чем животные: животные имеют промежуточную челюстную косточку, а люди не имеют ее! - Поэтому Гете, великий естествоиспытатель, стремится к тому, чтобы показать, как то, что живет в природе по своей

форме, может подняться выше, так что действительна нельзя, исходя из чисто внешнего, как промежуточная челюстная косточка, найти разницу между человеком и животным, но что в человеке живет нечто, наряду с теми же косточками и мускулами, какими обладают животные, что является высшим духом в человеке. - Поэтому, у Гёте так чудесно получается, что он находит не только промежуточную челюстную косточку, но показывает как она срослась у человека с костью, потому что она является подчиненной костью, но еще в Гёте получается и то, что позвоночные кости в спине человека могут расширяться, если дух работающий в мозгу, хочет этого и нуждается в этом.

Поистине: мне всегда казалось чудесным, когда я долгое время работал над естественнонаучными трудами Гёте и пытался проникнуть в такой принцип, где Гёте представляет себе черепные кости просто, как изменившиеся кости позвонков, когда они растягиваются и превращаются в черепную полость. - И во мне рождалась мысль, которую можно было продумать только так: Гёте

должен был овладеть идеей, что если мозг является преобразенным с помощью духа - спинным мозгом, так что не только оболочка, но и сам мозг оказался поднятым на более высокую степень, чем он пребывал раньше, как позвоночная кость или спинной мозг. И для меня было чудесным событием, когда я нашел записку Гете, на маленьком клочке бумаги, написанную карандашом в девяностых годах, что сообщает также профессор Варделабен в Веймарской годовой летописи, в статье: "Гете, как анатом": Мозг, это в сущности только преобразованная часть спинного мозга.

Итак, мы видим в Гёте то настроение, которое мы находим в первый раз у Дж. Бруно, в применении к отдельным членам в существах природы, видим, как Гёте пытается ввести во все природное мышление практически дух Дж. Бруно, - к которому он сам по своим же словам - был так близок. Поэтому для Гёте имело такое большое значение видеть во всем растительном мире превращение пра-растения. И наряду с тем, что сделал Гете, как художник, стоит то большое и мощное, что Гёте дал как естествоиспытатель, т. к. неизвестным образом, тот же дух, который спустился с высот ясновидения к чувственному зрению, воплотился в Гете в личность, которая всюду, при наблюдении вновь благоговейно вносила дух во всякую подробность в природе.

Что видел Гёте в отдельном растении? Выражение пра-растения. А чем являлось для него это пра-растение? Спиритуально-духовным - в отдельных растительных образованиях.

Здесь очень значительным является тот разговор между Шиллером и Гете, когда оба посетили в Иене собрание естествоиспытателей. Шиллер, выходя, сказал Гёте: "все, что говорилось о растениях было таким неудовлетворительным, - на что Гёте отвечал: может быть всё это можно было сделать иначе, так чтобы нам явилось не только то, чем являются отдельные части, которые мы держим в руках, но то, что живёт как духовная связь. Гёте взял листок бумаги и нарисовал Шиллеру несколькими штрихами образование растения. Ему была ясно, что это существует не только в лилия или львином зеве, но и во всех растениях, во всей многообразии. Шиллер, который не мог понять эти преобразования пра-растения, - сказал: Это не действительность, - это идея! Гёте удивился и сказал только: "Это очень хорошо, что я имею идеи, не зная этого и даже вижу их глазами!", так как Гете видел то духовное, что распространено во всех растениях, видел там, что мог даже нарисовать это. И также было с пра-животным во всех животных.

Так искал Гёте Бога, двигающего всё не извне, но внутри всего, искал Божественный Дух, живущий и творящий во всем, конкретно от растения - к растению, но и в листьях, цветах и плодах, а также - от животного к животному, начиная от кости к кости, от одного животного образования - к другому.

И интересно то, что Гёте был так мало понят его временем, что не знали, как не знал и Шиллер, чего собственно хотел Гёте. Но постепенное дух Гёте оживет и в естественнонаучном мышлении. И тогда поймут, что дух Гёте был уже на ступень выше Дж. Бруно, что Дж. Бруно говорил о Боге, жившем пантеистично всюду, в камнях, в растениях, в животных, но Гёте ведь тоже искал Бога, но не в движении во вне, когда он говорил дальше: "мы не должны смотреть на всё - в общем, но переходить к отдельным явлениям и искать духа в них. Иначе живет дух в растении, иначе в камне, иначе в той или иной кости. Дух - это вечно подвижное начало, формирующее отдельные части материи. Материя следует за подвижным духом. Это всё можно сказать, исходя из Духа в целом, как это делает Дж. Бруно; но это можно искать, отдавая себя, - во всех мелочах, как это делает Гёте. И тогда человек всё больше и больше приходит к тому, чтобы действительно постигнуть, - что скрывает раскинувшийся ковёр природы из того духа, который открывается человеку в ней - постепенно. Если мы будем так думать о ступенях восхождения таких умов. какими были Галилей, Дж. Бруно и Гёте, то мы в конце концов привыкнем обращаться к тому, что является основным нервом таких умов, но обращаясь к обычным понятиям, а люди любят слушать обычные фразы и о таких больших умах.

По отношению к Галилею, который охватил в один момент всю жизнь своей великой, божественной идеей вне времени и пространства, мы можем спросить: что не знают наши современные люди об

истинном значении Галилея, кроме одного, что он якобы сказал, и что вовсе не достоверно: "а она всё-таки вертится!". Это правда, красивая фраза, но суди, по исследованиям итальянского учёного Анжеле да-Губеркатис, - это, конечно, не правильна.

А как часто цитируют о Гёте, что его последнее слово, якобы, было: "больше света!", - но это было и единственным, чего он не говорил. - Поэтому, необходимо, чтобы свет духовноведения осветил бы для нас и такие умы и чтобы не только нам собственный дух, каким мы его хотели бы видеть, был бы внесен в различные времена.

Эти три ума, образующие такой чудесно-настроенный трифолиум в исходном пункте нашего новейшего времени, восходивший в Галилее и Дж. Бруно, как утренняя заря и засиявший, как солнце - в Гёте, мы можем лучше всего охарактеризовать, вспомнив слова самого Гёте, так хорошо осветившие нам его понимание духовного времени, что даже самый малый атом материи не может существовать без стоящего за ним духа. Мы можем здесь вспомнить

одну ситуацию, описанную самим Гёте, когда он стоял много лет спустя после смерти Шиллера, когда переносили его кости в княжеский склеп и когда он хотел увидеть признаки гения Шиллера в особой форме его черепа. Он думал, что узнал череп Шиллера по совершенно особенной форме его, который и был затем перенесен в княжеский склеп. И ему стало хорошо понятным то, что мы видели в Галилее: что дух должно находить в смирении и с помощью математики. Еще и теперь существует старая церковная люстра в соборе в Пизе, качавшаяся там перед столькими людскими душами; но когда перед ней сидел однажды Галилей и измерял ее регулярные колебания до собственному пульсу, и открыл затем такой важный, теперь закон, - колебания маятника, то в нем говорила Божественная мысль. И еще многое, подобное этому. - В Гёте у могилы Шиллера возникла мысль, жившая в Дж. Бруно в его философском энтузиазме; дух живёт всюду в материи, но не в толкающем и ведущем движении, но как дух, живущий в самом малом атоме. И спиритуализм Дж. Бруно вновь воскрес в душе Гёте, когда он держал в руке череп Шиллера и как вода становится льдом - дух Шиллера появился для него в форме черепа Шиллера. - Вся спиритуальная основа Гёте - встает перед нами, когда мы изучаем его прекрасное стихотворение, написанное им после исследования формы черепа Шиллера и особенно так часто неправильно цитируемые строки, понять которые возможно только исходя из ситуации, которая заставила нас думать, что Гёте увидел индивидуальность Шиллера, как бы уплотнённую пластически и сказал затем то, что он должен был сказать, согласно своеобразию духа Дж. Бруно ставшего, таким образом, духом Гёте.

"Что может получить человек большего в жизни,
Чем откровение Божественной природы,
Когда она растворяет твёрдое, - превращая его в дух,
И сохраняет в твёрдом состоянии рожденное от духа!"